

ДОЖДЛИВЫМ ВЕЧЕРОМ

Панкратий Егорович лежал на печи и тихонько постанывал. Иногда завывал в голос, когда на него подолгу не обращали внимания. Маленький, щупленький, в свои семьдесят лет выглядел хило, неважно, но силы в нём были. Со старухой ещё держали скотину, корову, правда, лет десять назад продали – тяжело уже, но коза имелась. Ещё Панкратий Егорович держал кур и очень любил своего разноцветного красавца-петуха. Стоило тому только расправить крылья, выпятить грудь и важно поквочать, как куры-дурёхи тут же бежали к нему. Панкратий Егорович поправлял кепку и, прищурив один глаз, улыбался:

– Заставишь мою старуху так же драпать. Щас!

По вечерам у Панкратия Егоровича прихватывало ногу. Ещё в юности настудил. Теперь, лёжа на печи, укрывшись полушубком, пытался отогреть. Да разве отогреешь? К постоянным лёгким болям старик уже привык и по вечерам, забравшись на печь, тихонько начинал постанывать. Но случалось, хотя и не часто, что ногу ломало невыносимо, тогда тот бранил её, окаянную, благим матом. Старуха натирала ногу самогоном и мёдом, обматывала полотенцем,

плескала немного в кружку и давала старику. Тот выпивал, быстро хмелел и засыпал.

Сегодня, как обычно, Панкратий Егорович лежал на печи, укутав ноги полушубком, и поглядывал в окно. Шёл дождь, на улице было хмуро и сыро, и на душе как-то тоже становилось тоскливо. Старуха его, Августина Серафимовна, сидела на кровати и, склонившись, ловко работая спицами, что-то вязала. Внук Стёпка сидел рядом за столом и читал книгу. Страсть как любил читать. Приехал погостить к деду с бабкой на лето и прихватил с собою целый ворох книг. Мальчишка в двенадцать лет был не по годам умён, и Панкратию Егоровичу иной раз нравилось его слушать.

Старик снова закричал, застонал в голос. Хотел, чтобы на него обратили внимание. На него обратили.

– Сильно болит? – спросил Стёпка.

– Ишо как, – старик был рад, что его заметили.

– Давно бы в район съездил с кем-нибудь в больницу, глядишь, и вылечили бы ногу-то, – посоветовал внук.

– Как же, вылечат там. Дождётся.

– Отчего же не вылечат? Поди, не глупые люди работают. Может, на процедуры какие прогре-

вательные направили бы или мазь какую-нибудь выписали.

– Мазь... Что мне их мазь? Мне вон старуха самогоночкой натрёт ногу-то, вот те и лекарство. Лучше всех ваших мазей. – Старик посмотрел на супругу. – А ежели немного и внутрь плеснуть, то вообще никакая зараза не пристанет.

Августина Серафимовна пропустила мимо ушей реплику больного. Панкратий Егорович понял, что самогона ему сегодня не нальют. Не сказать, чтобы он частенько выпивал, но в такую вот дрянную погоду, когда на душе тоскливо и одиноко, перед сном грядущим кружечку бы пригубил.

– Папка мой вон тоже всю зиму с зубом мучился. И домучился. Весной пошёл в больницу – вырвали. А сразу обратился бы, глядишь, поставили бы пломбу – и зубик цел.

– Зюбик, – протянул старик. – Зубов – их вон скока. Один вырвешь и не заметишь. А у меня ног всего одна пара. Оттяпают по колено ишо.

– Ну тебя, – Стёпка махнул рукой и взялся снова за книгу, – глупость какую-то молотишь.

Панкратию Егоровичу стало даже обидно, что от него отмахнулись, как от непутёвого. И, чтобы сгладить вину, он решил сменить тему. Разговаривать ему хотелось. За беседой было не так тоскливо.

– Чаво это ты там всё читаешь? – обратился он к внуку.

– Роман.

– Про любовь, что ли?

– Ну, можно и так сказать.

– Мал ишо про любовь-то читать. Поди, «женилка» ишо не выросла!

– Чего не выросло? – Степан оторвался от книги.

Бабушка тоже перестала вязать, посмотрела на деда.

– Ты чаво это языком-то завертел, как собака хвостом? – спросила старуха. – Не слушай его, Стёпочка, дурака старого. Не слушай.

Панкратий Егорович заулыбался, засиял весь. Повернулся на спину, широкой ладонью потёр губы, не переставая улыбаться. Его веселило то, что он смог утереть начитанному внуку нос: «Оказывается, не всё ты, парень, знаешь. Про это, пожалуй, в книгах не пишут».

Степан, догадавшись, что дед смолол очередную глупость, отвернулся к окну.

Полежав немного на спине, старик снова перевернулся на левый бок.

– Ты вот книг стока набрал с собой, неужто всё прочтёшь? – Панкратий Егорович глянул на внука, прот и ухом не повёл. – Чаво молчишь?

– Не мешай.

– Было бы чаму мешать, – старик покашлял в ладонь. – Это, конечно, не картошку окучить да травы накосить.

Степан посмотрел на деда. Работать Стёпка и впрямь не любил. Не за этим приехал в деревню. И постоянно увивал от работы. То с ребятишками на реку убежит, то на сушилах с книгой затаится.

– Что же, по-твоему, и читать вовсе не нужно?

– А чаво их читать-то?

– Чтобы дремучим не быть.

– Батюшки, – захорохорил дед, – я вот до своих годков дожил не читамши, и ничаво, как видишь, живой.

– А Шекспира знаешь?

– Чаво?

– А Чехова, Пушкина?

– Это который с кудрями был? – старик призадумался. – Знамо, конечно. Что я, по-твоему, совсем, что ли, неуч?.. Он ещё сам себе памятник смастерил.

– Да не смастерил, а воздвиг. И не из бронзы, а нерукотворный.

– Эт как?

– Читать для этого нужно, чтобы знать. Вот как!

Августина Серафимовна улыбнулась. Её радовало, что внук у неё – смышлёный малый, идёт в ногу со временем. В отличие от деда, она никогда не препятствовала, чтобы тот читал. Грядки она и сама польёт, чего мальчонку зря тревожить.

Панкратий Егорович призадумался, почесал лысину, перевернулся на спину, тяжело вздохнул.

– Завтра забором будем заниматься.

– С кем? – Стёпка оторвался от книги.

– Ясно дело, с кем. Будем старую рухлядь разбирать да за баней складывать.

– Не такая уж это и рухлядь.

– Те бы только от работы увильнуть, – старик покосился на внука. Паренёк тоже недовольно посмотрел на деда. – Чаво на рыбалку-то не ходишь?.. Хоть бы окуней наловил, мы бы с бабкой зажарили.

– Комаров кормить?

– Посмотрите, какие мы! Уж не съедят.

Степан на это ничего не ответил. Старик, посмотрев на светлый затылок внука, что-то непо-

нятное пробубнил и перевёл взгляд в дальний угол, где стояли его большие сапоги. Вспомнился младший сын Филипп, Стёпкин отец. Вообще у них со старухой большая семья: шестеро детей. Один утонул. Двух недель не дожид до восемнадцатилетия. После выпускного с ребятами пошли встречать рассвет на реку. Вся компания изрядно пьяная. Кому-то взбрело в голову окунуться. Полезли все. А кровь-то молодая, горячая. Давай соревноваться, кто реку переплывёт. А она в тех местах широка. Трезвый с трудом осилишь расстояние, не то что хмельной. Вылавливали потом троих. Среди ребят был и сын Панкратия Егоровича Димка. Вот, оказывается, как беда внезапно подкрадывается, а затем со всего размаху бьёт наотмашь. Так намного больней. Когда готовишься, когда её ждёшь, ещё есть силы ей противостоять, а тут... праздник, радость... да ведь молодые какие – ещё жить и жить. У Августины ноги тогда отказали от горя, всё лето пролежала не вставая, да и у Панкратия в сорок лет виски посеребрились. Что ни говори, а всё же материнское сердце за дитё своё переживает куда больнее.

Панкратий Егорович снова повернулся на бок, посмотрел на старуху.

– Дождь идёт ишо? Не слышу.

Августина Серафимовна посмотрела в окно.

– Приутих, но ещё моросит.

– Грибы нынче пойдут, – старик громко кашлянул в ладонь. – Плесни полкружки. Не усну, видно.

– Опять разболелась? – старуха сквозь очки посмотрела на супруга. Чего-чего, а обманывать тот не умел. Смолоду никому не врал.

– Да так. Терпимо.

– Вот и терпи. Нечего.

– Пить вредно, – вставил своё слово Степан.

– Понимал бы чаво, – старику стало обидно.

– А чего тут понимать? Тут и так всё ясно.

Алкоголь разрушает клетки мозга, печени и приводит к раковым заболеваниям...

– Пошёл ты.

– А ты не огрызайся, – вступилась Августина Серафимовна за внука. – Умные вещи толкуют, а ты ишо бранишься.

– Умные вещи-и! Чаво бы понимал. От горшка два вершка! – Панкратию Егоровичу и впрямь до боли в животе стало обидно и горько, что из-за какой-то паршивой кружки о нём говорят как о заядлом алкоголике.

– Многие бытовые ссоры, в том числе и с летальным исходом, как раз и происходят по вине

алкоголизма. Кто-то выпил, показалось мало, ему бы ещё, да не дают, он в драку, а рука тяжёлая... Отсюда выводы.

– Я што, по-твоему, драться с кем собрался? Удумал!

– Драться не драться, а к инсульту рано или поздно приведёт. Тем более в твоём возрасте.

– Это у вас там, в городе, мрут, как мухи. Поэтому как дрянь всяку хлещут. Бодягу. А самогон, если по-домашнему и для себя, полезней родниковой воды будет. Неужто моя бы его гнала, чтобы я ноги скорее протянул?

– Всё же...

– Вот те и всё же! Ясно дело, у вас там пьют ведрами да с пелёнок, потом валяются в подворотнях. А ежели мужик всю жизнь в поле на комбайне да на тракторах отработал, неужто ему под старость лет и выпить нельзя? Кружка в день ему положена.

– Пряма уж и положена? Откуда такие выводы?

– А у тебя?

– В журнале «Здоровье» вычитал, да кое-что по биологии проходили, – ответил Стёпка.

– Я твои книги сожгу завтра все, чтобы голову чепухой не забивал.

– Ну чаво ты ерепенишься, как воробей старый? – вмешалась Августина Серафимовна.

Иногда, когда было что-то не по-стариковски, тот вёл себя, как большой ребёнок. Бранился и обижался. Старуха это знала и потому особо не сердилась. С пожилыми людьми такое часто бывает, когда их не понимают или не пытаются понять.

– Ну вас, – буркнул Панкратий Егорович и, матюгнувшись себе под нос, перевернулся на другой бок, к стенке.

В избе стало тихо. Старик уткнулся носом в подушку. Вспомнился снова Филипп, младшенький. Панкратий любил о нём вспоминать. Вот уж кто действительно его понимал, так это Филипп. Вообще тот с самого детства рос парнишкой добрым и заботливым, последнюю рубаху готов был отдать. Как-то раз принёс с улицы котёнка подбитого, одноглазого. Ну куда его? У самих кошка пятерых принесла. И всё же нет, не выкинули, уговорил. И ведь вымахал какой. И не думаешь, что когда-то был озябшим комочком шерсти. Пусть и одноглазый, а кот был справный. Оказался крысоловом. Всех крыс в избе извёл. Долго он прожил у них, как к родному привыкли. Как-то раз захворал сильно и пропал. Не ред-

кость, когда кошки перед смертью издыхать уходят в чужие места. Гордые животные. Припомнилось старику и то, как однажды отправились они с Филиппом в лес по грибы. Полные корзинки набрали. И только собрались обратно, как вдруг из-за диких кустов малинника медведь показался. Посмотрел на двух перепуганных грибников, повёл носом, внюхивая вокруг себя воздух, и пошagal дальше. Вот уж страху-то натерпелись! Поди, был бы с малышами, всё, крышка. А рыбалку-то как Филипп любил! Уж никогда не откажется с отцом поутру на реку пойти. А бывает, и сам, хоть и на ночь приедет погостить, а возьмёт лопату с вечера, червей приготовит – и к отцу: так, мол, и так, не уважите ли компанию составить. Сроду ни с какими книгами не сидел.

«Книголюбы, мать их. Все они лоботрясы. Взяли моду с книгой валяться сутки напролёт. С каких это пор видано, чтобы летом, в ясную погоду с книгой лежать, словно других дел не найдётся? Лодыри, это их замашки: я, мол, не отдыхаю, я с книгой, и отстаньте от меня. Чехова мы не знаем. Он что мне, ваш Чехов, картошку вскопает или травы накосит, чтобы я его знать должен был?» – старик про себя ругнулся.

Августина Серафимовна перестала вязать. Встала с кровати, обула галоши, покинула избу. Старик перевернулся на спину. Посмотрел в окно. Дождь прошёл. Видно, в хлев направилась. Внук по-прежнему, подперев голову одной рукой, сидел за столом с книгой.

– Поди, знаешь, где бутылку прячет? – Степан оторвался от книги. – Сходи кружку набери. Что-то на душе тоскливо.

– Сейчас на душе тоскливо, а завтра голова бо-бо, – ответил внук.

– Значит, придётся забор до лучших времён отложить, – схитрил Панкратий Егорович. Услышав такую новость, Стёпка быстро вышел в сени. – Лентяй.

Паренёк протянул старику кружку и подал малосольный огурец.

– Может, сала отрезать?

– Не надо.

Панкратий Егорович в несколько глотков опустошил налитое, занюхал локтем, затем надкусил огурец.

– Хороша-а, – изрёк он. – Бабке только ничего не говори.

– Ясное дело, мне же и попадёт.

Старик улыбнулся. Степан, убрав кружку, опять уселся за стол и взялся за книгу. Панкра-

тий Егорович, немного покряхтев, отвернулся к стене. А забор всё же разобрать нужно. Завтра с утра пораньше работёнка для него имеется. Внука тревожить не станет. Пусть читает, может, и правда каким ученым станет.

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ

Деревня Ижовка окольцована садами. С дороги её хорошо видно. Через рыжее спелое поле виднеется такой маленький остров, будто лодка по реке плывёт. Почти у каждого жителя в саду посажена вишня и сирень. Весной, когда всё цветёт, деревня усыпана белыми, сиреневыми цветами и стоит приятный аромат.

Еще Ижовка славится целебной водой. За деревней, ближе к лесу, бьёт родник, и вода его считается лечебной. Летом часто можно увидеть в деревне городских на дорогах машинах. Останавливаясь перед каждым встречным, всегда интересуются одним и тем же – как добраться до родника.

Хотя колодцев в деревне много, местный народ всё равно ходит к роднику за водицей: испить или просто умыться. Да разве сравнится вода из колодца с родниковой живою водою? Одно удовольствие только любоваться, как пробивается из земли, расталкивая маленькие песчинки, хрупкая струйка. Вот она где – жизнь.

Прохор Афанасьевич, как обычно, с самого утра шевырялся во дворе, когда его окликнули. Старик обернулся. По ту сторону забора стоял паренёк, годов двадцати, в разноцветной футболке, с рюкзаком за спиной.

– Прутников Прохор Афанасьевич здесь проживает? – спросил вежливо юноша.

– А? – не расслышал старик. Он был глуховат на одно ухо.

– Прутников – это вы?!

– Я, я, да... э-э, – старик подошёл ближе, чтобы лучше разглядеть гостя.

– Сергей, – представился парень и протянул через забор руку. Старик пожал крепкую молодую ладонь и снова представился. – Понимаете, в чём дело. Я студент. Художник. Учусь на четвёртом курсе. Мне нужно к началу августа сдать пейзажные работы. Неплохо было бы показать и сельский быт. Понимаете? Мне бы вашу местную красоту запечатлеть на бумаге. Так сказать, увековечить. – Парень улыбнулся. – Места у вас красивые, родник славится на всю округу, только и работай. А остановиться вот не у кого. Ко многим просился. Не пускают. Одна

женщина посоветовала к вам обратиться. Вы, сказала она, кого-то прошлым летом к себе пу-
скали. Да и живёте, говорит, одиноко, скучно
одному-то.

Прохор Афанасьевич и взаправду жил один.
Жену, Агафью, схоронил восемнадцать лет тому
назад. Умерла сердечная от рака. Долго хворала
и мучилась. За всю жизнь ни одну букашку не
обидела, слова худого никому не сказала. А
тут... умирала в муках. Видно, такова воля Го-
спода. Долго Афанасьич не мог прийти в себя
после смерти супруги. Замкнутым стал. На лю-
дях почти не показывался. Всю зиму в избе про-
сидел. Сам захворал сильно. Если бы не тётка
Анисья, почтальонка и местная знахарка, может,
и сам следом за Агафьей ушёл бы. Не редкость,
когда вот так вот старики друг за другом уходят.
Чаще почему-то мужики одиночества не перено-
сят. Что ни говори, а всё же бабская душа закал-
кой сильнее.

Прохор Афанасьевич потёр седую щетину и
улыбнулся, по-детски прищулив один глаз. Отво-
рив калитку, старик запустил юного гостя во двор
и велел идти в избу.

– Только, дед, давай сразу договоримся о це-
не, – поправляя рюкзак, промолвил Сергей. –
Денег, скажу сразу, немного. Да и, сами понима-
ете, когда это было видано, чтоб у студентов
деньги водились. Тут и... – хотел было что-то до-
бавить паренёк, но старик его перебил.

– Будет тебе, ну что ты в самом деле? –
Прохор Афанасьевич похлопал паренька по
плечу. – Коли дружно жить станем, так хоть всё
лето гости. Отчего бы хорошего человека не
принять? Постель имеется, чаго ей попусту без
дела стоять?

На том и сошлись. И зажили они, как и велел
хозяин избы, дружно. Сергей, с утра пораньше
позавтракав, уходил за околицу «увековечи-
вать» местную природу. Старик, покопавшись
немного на заднем дворе да в огороде, брёл в
избу приготовить обед.

Понравился ему студент. Особенно нрави-
лась Прохору Афанасьевичу его настойчивость.
Если у того что не получалось, не отчаивался,
ничего, мол, завтра обязательно получится. И
то, что паренёк был худоват, особо печалило
старика. Ему постоянно хотелось того угостить
чем-нибудь повкуснее, пожирнее, помясистей.
Уж больно фраза эта запала в душу: «Где это
видано, чтоб у студентов деньги водились».
Вспоминались сразу военное детство, послево-

енная юность, тяжёлый ранний труд. Оттого-то,
может быть, и проснулась непонятная жалость у
старика к пареньку.

Ещё Прохора Афанасьевича радовало то,
что Сергей выбрал именно его деревню и так жи-
во расхваливал её красоту. Сейчас ведь вся мо-
лодёжь в город бежит, лучшей жизни, лучшего
угла ищет. И потому, когда Сергей возвращался
в избу, удовлетворённый работой, его на столе
поджидала жареная картошка с грибами, ломоть
сала, зелень и кувшин с молоком. Студент бла-
годарил старика, садился трапезничать и обяза-
тельно рассказывал Прохору Афанасьевичу,
чем сегодня занимался. То это была покосивша-
я берёзка у оврага, то пастух Егор с деревен-
ским стадом, то сама Ижовка со стороны леса.
Родник пока не трогал – берёт до последнего. По
словам паренька, ему хотелось, чтобы душа са-
ма потянула его к нему, тогда точно картина по-
лучится. Ведь любая работа должна ладиться с
душой. Зритель это сразу почувствует.

– Тут к пастуху девчушка постоянно с ведром
ходит, корову доить, рыженькая такая, Клавой
звать, – завёл как-то раз Сергей за ужином те-
му. – Смешная. Я как вечером ни пройду по
деревне, всё никак не могу встретить. Неужто
дома сидит? Барышня эдакая.

– Дык ты про Мурзину внучку, что ли? Хех.
Заставишь такую невесту дома сидеть. С Егор-
кой на танцы ездят на его-то трёхколёсном
агрегате.

– Это куда это?

– В район. Куда же ещё? Тут до Черёмушек
рукой подать.

– Танцы – это дело хорошее. Надо как-нибудь
клуб ваш посетить. Размять кости.

– Не ходил бы один-то. Новеньких-то не осо-
бо встречают. Кабы бока не намяли. Она ить, мо-
лодёжь, сейчас такая. И не посмотрят, что один.

– Ну, этим меня, дед, не возьмёшь. Не родил-
ся ещё тот человек, которого бы я испугался.

– Иди к лешему, – улыбнулся старик.

Сергей, глядя на него, тоже усмехнулся.

В Черёмушки он всё-таки скатался. Правда,
как съездил, не говорил. Только отнекивался,
что приехал он сюда не отдыхать, а работать, а
за юбками он и в городе хорошо ухлёстывает.
Что там произошло, неизвестно, только после
этого юный художник вечерами из дому нос не
казал.

Работать с землёю, как оказалось, Сергей не
привык. Как-то Прохор Афанасьевич попросил

помочь ему на усаднике картошку окучить. Паренёк согласился. Но, порыхлив землю мотыгой под солнышком, догадался, что работёнка-то не из лёгких. И сообщил старику, что помог бы и дальше, но руки беречь нужно, ведь у художника весь талант именно в руках кроется. Старик по началу на это обиделся и про себя выругал того лентяем, но к вечеру обиды прошла.

«Ну, в самом-то деле, – размышлял про себя Прохор Афанасьевич. – Ведь каждому своё. Зато он вон как красками рисует. Залюбуешься».

По субботам Прутников топил баню. Вечером, загнав кур и подоив козу, Прохор Афанасьевич со студентиком шли споласкиваться. Париться Афанасьич любил долго. Берёзовым веником хлестал паренька по раскалённой спине и ногам, лишь изредка поправляя на голове шапку. Сергей несколько раз выбегал в предбанник отдышаться и испить кислого домашнего квасу. Сам же Серёга махал веником лениво, не с таким азартом выходило у него, как у старика. Да и руки уставали быстро, и голову тоже пекло. Уже в предбаннике, усевшись на лавку, паренёк поглядывал на разруганное жилистое тело хозяина бани и дивился тому, откуда в нём столько силы и энергии. Глядел на крепкие худые руки, на которых, словно натянутые тросы, виднелись толстые вены. Знал бы он, сколько эти руки испытали на себе работы, сколько всего было переделано этими толстыми сбитыми пальцами. Представить и то трудно.

Вечерами, перед сном грядущим, старик выходил во двор, саживался на лавку, забивал табаку и любовался розовым небом, что уходило за горизонт. В такую погоду приятно посидеть на свежем воздухе. Что-нибудь да обязательно припомнится из прошлого. Непонятные думы лезут в голову, и всем телом ощущаешь радость того, что живёшь. Ведь не дано больше тем, кто ушёл от нас, радоваться нежности этого вечера, ощущать лёгкую прохладу летнего ветерка, любоваться закатом и наслаждаться тишиной. И как-то печально становится немного. Понимаешь частичкой себя, что всё это будет вечно. Всё, но не ты. Рано или поздно человеку придётся уйти, но всё так же будут гореть закаты и полыхать рассветы, всё так же по осени улетят зимовать птицы, всё так же зимою выпадет пушистый снег... Обязательно вспомнишь в такой вечер дорогих сердцу людей. Сердце всегда болит за детей и внуков, переживает и беспокоит-

ся, часто, конечно, без дела, но на то оно и сердце. Ему не прикажешь: не волнуйся, всё в порядке. Обидно от того, что разъехались дети кто куда, и затынул, как водоворот, их этот стальной город, что и не выбраться из него, не найти времени приехать на выходные к отцу или черкнуть пару строк, что всё в порядке. Даже до этого не доходят руки.

Пришло время и Сергею возвращаться обратно в город. Рисунки были готовы, и на просьбу старика погостить ещё пришлось вежливо отказать. Некогда.

Прохор Афанасьевич долго любовался работами юного гостя и, как всегда, по-детски, с прищуром, улыбался. Постоял-постоял возле рисунков и попросил паренька:

– А вот меня так же смогёшь нарисовать, а?

– А чего бы нет? – улыбнулся Сергей. – Легко!

– Я её вот тут повешу, над кроватью. Ничё, как думаешь?

– Нормально, – согласился парень.

Прохор Афанасьевич принарядился, как на праздник, причесался, на пиджак повесил медали, которые у него имелись, и затаив дыхание, уселся на стул. Сидел неподвижно, не то что шелохнуться – моргнуть боялся, пока юный художник не успокоил его. Мол, ничего, если немного и пошевелишься, ведь человека рисуем, а не куклу. И вот пара часов работы, и портрет готов. Как живой получился на нём Афанасьич, даже моложе своих лет.

Долго старик любовался работой, довольно улыбаясь. Даже слеза блеснула в глазах. Сергей помог повесить портрет над кроватью, куда велел старик, и попросил за работу три тысячи рублей.

– Что ни говори, дед, а работа есть работа, она оплачиваться должна. Это я ещё по-божески беру. В городе за такой портрет раза в три заплатили бы больше.

Прутников ничего не ответил. Ушёл в горницу, достал из старого комода узелок, развязал платок зубами и взял нужную сумму. Паренёк забрал деньги, поблагодарил ещё раз старика и поспешил на автобус.

Прохор Афанасьевич постоял немного у кровати, полюбовался портретом и, прихватив авоську, пошагал к магазину. На обратном пути собирался навестить Агафью. Только там, присев у могилочки, всегда можно поговорить с душою.

72